

держится как бы на ослабленных петлях, не кажется мне недостатком работ, а скорее их достоинством; вижу в этом победу чувства живописных качеств над рассудочностью; матерьял как бы борется за свое первородство, нарушая схему, возможно, что и незаконными с точки зрения ортодоксального кубизма средствами. Хлебников в „Зангези“ устами прохожего говорит о своей поэме: „сырье, настоящее сырье“; не считаю эти слова одной лишь иронией. Введение в целое „сырья“ может быть понятно, как один из приемов борьбы с украшенностью (эстетизм тоже) в искусстве. Не уверен в том, что Лебедев намеренно ослабляет схему, но я люблю случай (непреднамеренность) в искусстве; он заставляет меня чувствовать и больше и полнее; это конечно, субъективно и относительно, точно также как и следующее мое мнение: в работах Лебедева нет цвета для того, чтобы меня правильно поняли, прибавлю, но не краски.

Из той же группы художников выставили новые работы Тырса, Таран, Бруни, Митурич, Лапшин и Пессат; все это небольшие и нехарактерные работы; Таран и отчасти Тырса в традициях хорошего французского искусства; Лапшин показал некоторые случаи развертывания формы на плоскости. В небольших работах Бруни, опять-таки словами из „Зангези“, „чувствуется коготь льва“.

Из молодых начинающих художников группы выставили ряд работ еще в плане Сезанна—Дерена, через старших мастеров Бубнового Валета, Попов и Пакулин; за истекший год они, видимо, много работали над выходом от массы к объему. Пахомов, третий из начинающих, наоборот развертывает плоскость, организуя ее и укрепляя.

Полагая за основание живописи матерьял,— вся эта группа (или почти вся — сильнее уклон у Бруни и Митурича) может рассматриваться, как наиболее близкая к культуре живописи группа; этим обусловлена центральность ее места в новом искусстве и крепость ее традиций, развиваемых художниками группы не в форме и тем менее, в догме мировой живописи, а в духе ее. Отсюда и предельное стремление руководителя группы после многовекового разрыва, вернули искусство массам, сделали его снова *нужным*. Понимание мира, как отношения и положения в пространстве матерьялов, понуждает художников этой группы видеть в искусстве работу воли, т. е. чувства, организованного знанием — того, чем издавна жило настоящее и большое искусство — и бороться с рационализмом в живописи, проложившим тонкую линию от Ренессанса к нашему времени. Эта тонкая линия и есть вторая полоса в новом искусстве и она хорошо обнаружена на выставке в работах таких художников, как Малевич, Эндер и Матюшин; разумеется, их работы, как выдвинутая нашим временем база традиционной кривой Ренессанса, заслуживает особого и напряженного внимания.

Н. Пунин.

Ванька встанька *)

1) „Гораздо поразительнее то, что наблюдаем у себя. Тут разлад между чутьем, толкнувшим наших „левых“ худож. в первые же дни Окт. Рев. пойти нога в ногу с пролетариатом, всемерно помогая ему в деле крушения старых идолов и идеологической отрыжкой“...

2) Художник Малевич, все годы революции не за страх, а за совесть работавший с Советской властью, казалось бы, исключительно трезвенный, здоровый, жизненный, разрабатывающий подлинные основы, обнаруживает такую же идейную неустойчивость, как и немецкие попутчики революции.

3) „И для него не „бытие определяет сознание“, а художник творец, облекающий в форму хаос эмоций“.

4) „Ведь призвание художника в том и состоит, чтобы облечь в форму образов сознание своей эпохи“.

5) „Надо бить по церкви, по религии, чтоб у художника столбом пыль пошла“.

6) „Надо разрушить твердыню Олимпа, свергнуть на землю всех богов“.

„Церковь и художник“

С. Исаков.

„Жизнь Искусства“ № 14.

Отвечаю пока по отдельным шести вышеприведенным выдержкам.

Во-первых, ничего „поразительного“ не случилось со мною, если я написал брошюру под назв. „бог не скинут“. Никакого разлада „между чутьем“, „толкнувшим“ меня в Революцию, не было, я всегда был революционером и умру в деле крушения старых идолов „Апполонов и Дионисов“. Дело хуже обстоит с революционерами-социалистами, они видят только идолов, на троне сидящих, а на театральных подмостках не только не видят, но даже утверждают свергнутых. Там и царь Эдип и Король Лир, Цесаревич Алексей, Царь Федор Иоаннович, готовятся Екатерина II Петр I, Павел III и проч., проч. Казалось бы, что Октябрьская революция и там должна быть, нет ли здесь „разлада“ и той же немецкой или идейной неустойчивости, которая приписывается мне. Трезвенность моя останется непоколебимой, никакие „нэп“ы“ не алкоголизируют ее, остается также непоколебима и сила любви социалиста к Минерве и Венере (хлебом не корми).

Я хотя и не с „устойчивой идеей“, но все же не утвердил бы глав-архитекторами ни Щусева, ни Желтовского и не вручил бы им архитектуру обновленной России, а также не допустил бы к конкурсу на памятник павшим на Марсовом поле, которые не замедлят „облечь“ по вашему слову эпоху в форму образов Аполлонов. Они очень устойчивы в своей идее. Храмы Венер или Аполлона в копиях Палладио, Браманте с одной стороны, а с другой à la Казанский вокзал в Москве не то монастырь, не то богадельня, ископаемый русский стиль, покроют всю площадь России.

Против этого, конечно, идти трудно, все понятно, ясно для масс, не футуристично, а классично. И вы все до одного революционеры-социалисты влюблены в древние стили, как женщины в окорока Аполлонов. Посмотрите на

*) Редакция, не разделяя мнений автора дает место настоящей статье, как принадлежащей перу представителя левого течения.